ВОЛЯ

#2(42)

8 МАРТА

2013

Кто поставил ей фингал?

«ВОЛЯ» — газета свободомыслящих людей. Выходит с августа 1989 года

Таня Егорова

Сексизм как тормоз протеста

ПОЧЕМУ ФЕМИНИЗМ

Как женщину меня часто спрашивают, зачем мне феминизм. Как активистку меня спрашивают, зачем мне отдельно бороться за феминизм. Ведь можно, пока я молодая, выйти замуж, родить детей. Или: дождаться социалистической революции, когда женщин угнетать перестанут. Или: не выделять в анархической деятельности феминистскую, потому что анархизм по определению против власти — мужчин над женщинами, старших над младшими и вообще стереотипов над людьми.

Но я знаю, как часто женщины терпят и «варят борщ», при любом раскладе — так бывает в компании и с либералами, и с социалистами, и с анархистами. И лесбийские и даже феминистские сообщества далеко не всегда дистиллированные и в вакууме. То, что людям с ненормативным гендером предлагается молчать, нам дают понять не только нравы ночных электричек и законы некоторых регионов, но и инициативы Госдумы.

(*«ты тоже квир» — картинка с митинга. Подписать можно: как не существует двух абсолютно одинаковых людей, так и не существует двух одинаковых во всем типов поведения относительно биологического пола. На эту тему: anarchofeminism.noblogs.org/?p=166)

С присутствием любых лидеров, власти или оппозиции, обязаны считаться их подчиненные. С главами большой страны или маленького города, предприятия или семьи. Эти главы, безусловно, зачастую мужчины. Но всем известно, что бывают и властные женщины, и значит квотирование не спасёт мир.

Я даже не надеюсь, что в правой среде, с которой мне приходится сталкиваться, мне не будут навязывать своё представление о том, как выглядеть или как себя вести. Но то, что протестное движение, и особенно антиавторитарное, так часто предъявляет власть над чужим телом и поведением — это большая досада. У последних вроде бы в почёте критическое мышление, эти люди вроде бы думают что делают. Но почему даже «анархист» не всегда равно «несексист»? Почему сексизм часто остаётся спонтанным, неотрефлексированным?

КЫШ, ФЕМИНИЗМ

Феминизм, кажется, — это что-то из прошлого. Феминизм — страшное слово про страшных женщин. Итак, музеефикация, демонизация... с чего столько чести? Такие тактики вытеснения применяются ко многим освободительным, а значит представляющим опасную альтернативу существующему зомбирующему порядку идеологиям. В первых рядах с феминизмом здесь, пожалуй, находится анархизм.

Феминистка необычно себя ведёт, необычно выглядит... В консервативном обществе она монстр, который нарушает привычный порядок. Да, это так. Она изобличает привычный порядок, полный насилия и доминирования.

Даже в оппозиции женщины не освобождаются автоматически от стандартов поведения и красоты. Например им приходится беспокоиться о своей внешности (*лукизм), чтобы привлечь внимание объективов, заточенных на стандарты красоты, или просто чтобы чувствовать себя уверенно: ведь им положено выглядеть аккуратно и женственно. Беспокоиться — а не быть свободной и проводить время с пользой (для «революции» — а значит и для себя).

Кстати, весной 2012-го был объявлен конкурс «мисс оппозиция»: предлагалось разрушить миф СМИ о том, что «в протестном движении люди из других миров, вне общества, не имеющие с ним ничего общего». В группе на фэйсбуке организаторы написали, что их конкурс оппозиционно-прогрессивный. «Мы не ставим своей задачей найти самое привлекательно-сексуальное лицо. Наши героини — красивые девушки с существенной интеллектуальной составляющей. Занимающие активную гражданскую позицию». И в этом либеральная оппозиция себе не противоречит. Но и ничего особенно нового не предлагает, потому что не предлагает отказаться от самой идеи «прекрасного/ужасного», и хочет всего лишь себя в эту систему вписать. Феминизм же, настаивающий на теории о множестве пересекающихся дискриминаций, предлагает отказаться от подобных категорий вообще и выйти из этого замкнутого круга. Для феминизма не бывает некрасивых людей. Бывает мало анализа, почему что-то считается красивым, а что-то — нет.

Предлагаю вам подумать об этом, пока ваша подруга будет выбирать платье или брить ноги. Что она этим поддерживает — просто ли ваше эстетическое удовольствие — или сконструированные корпорациями показатели престижа и доход компаний, эксплуатирующих наёмный труд — между прочим тоже зачастую женский, потому что есть такое явление как «феминизация бедности». И, кстати, лишний раз становится бессловесным объектом, видом которого можно наслаждаться, но — не выслушивать и не сопереживать при этом — а значит таким, которому легко ненароком нанести эмоциональный удар или, что ещё хуже, — удар настоящий.

Власть и патриархат / власть патриархата
Официальная власть не стесняется использовать патриархат, чтобы гасить протест. Российская протестная аудитория уже слышала, что «пояс девы не заменит митингов», но ещё не делает репосты кампаниям против сексуального насилия, отдавая предпочтение картинке с коктейлем Молотова в стиле фэйсбучного «лайка». Но ведь это же называется мачизм и в голом виде точно ни к чему созидательному не ведёт, потому что основывается на идее физической силы и грубого доминирования!

В обвинительном приговоре Pussy Riot сказано, что «мотив религиозной ненависти в действиях подсудимых суд усматривает в следующем: подсудимые позиционируют себя сторонниками феминизма, то есть движения за равноправие женщин с мужчинами». В комментариях и про них, и про разных других протестующих женщин, говорят, что это «глупые девочки», которым следовало бы сидеть дома и варить борщ, отпускают сальные шутки.

WTF? Это не просто так. И первый пример, и второй — это прямая просьба ничего не менять, в дом не входить, ничего руками не трогать. Но ведь не этого добиваются те, кто протестует на площадях, на кухнях, в интернете, в мыслях — или просто хоть немного анализирует происходящее.
(*картинка: «для патриархата мы никогда не будем хороши!»)

НЕЛЬЗЯ С ЖЕНОЙ — НЕЛЬЗЯ СО СТРАНОЙ

Сейчас уже не суфражистки борются за то, чтобы их мнение учли — уже самые разные люди. Но в протестном творчестве чувствуется, что место унижения — на женской стороне: на плакатах и в речах то и дело народ, к которому власть применяет насилие, сравнивается с женщиной, — в шутку или всерьёз, но это остаётся работающим культурным кодом. В Минске в годовщину «плошчи» появляется плакат с Лукашенко «Бьёт — значит любит», во время российских протестов в интернете запускают демотиватор с Путиным-девочкой с хвостиками и надписью «путана» (мужчина в женском образе — это, в логике патриархата, низко и смешно, а тем более в образе женщины, чьё тело потребляют как товар), на митинге в Москве на проспекте Сахарова Артемий Троицкий заявляет: «Если президент не делает это со своей женой, то он делает это со своей страной», на что получает феминистский ответ — нельзя с женой, нельзя со страной!

СЛЕВА ОПАСНОСТИ НЕТ?

Пока феминизм выключен из политической борьбы (или включён только номинально, в манифесты и программные документы) — сексизм тянет протест на дно. Хотя бы потому, что уйма времени расходуется на гендерный спектакль и контроль за соблюдением его норм, тщательно охраняющихся мужьями, отцами, начальниками, религиозными и политическими лидерами.

Я была бы рада жить в таком обществе, где не нужен феминистский активизм — дополнительно к постоянной борьбе за автономию хотя бы от скольких-нибудь систем контроля и угнетения. Сейчас есть возможность симулировать отдельные социальные функции, партизанить в патриархате. Поддерживать спектакль — фиктивный брак или фиктивную внешность. Или уходить в автономные от патриархата зоны — жить одной или с подругой (*иллюстрация «если парень мудак»), заниматься собственными делами и ростом самосознания. Кстати, такой была «новая женщина», которая появилась в России в конце 1850-х и просуществовала до начала 1930-х, пока перестройка быта не была отложена властями и обществом не неопределённый срок. «Новая женщина» была холостячкой, рвала с патриархатом, создавала коммуны. И, кстати, сейчас для феминизма идея автономии тоже актуальна. Феминистки могут искать её в сепаратизме от мужчин или от патриархатных практик. Так или иначе, если удаётся осмелиться на свободу от патриархата, эффект от этого получается мощный.

газета свободомыслящих людей
выходит с августа 1989 года
2 (42)
8 марта 2013 года

тираж: 900 экземпляров

попытка редакционного коллектива:
Вера Бредова, , Влад Тупикин, Таня Егорова (редактор номера),
Виктория Ломаско (художник)

контакт: kontrkultura68@gmail.com
http://www.facebook.com/GazetaVolja

первая обложка: Виктория Ломаско
графика в номере: группа «Кикимора», Виктория Ломаско, mikaela, Стрит-арт фракция Феминистской Инициативы, StreetFem, Тимми, Умная Маша

layout: Николай Олейников

полистать разные номера в сети: http://issuu.com/gazeta_volja

Эмансипе́ или феминистка: ? а есть ли разница

Жанна Крёмер, *иллюстрация*—Тимми

Белорусский телеканал «Белсат» провёл недавно опрос прохожих на улицах Минска, желая выяснить, как народ относится к феминизму.

НА ПОЛНОЦЕННОЕ социальное исследование такой опрос, конечно, не претендует. Но всё же любопытные выводы сделать можно и по его результатам. Так вот, большинство граждан/-ок отвечали на вопрос о феминизме одинаково: «А что это такое?»

ПЕНСИОНЕРЫ/-КИ, студенты/-ки, молодые родители с колясками. Они все просто не знали (в наше время!), что это слово обозначает. Тем не менее, когда им объясняли, что «это движение за права женщин», большинство высказывалось одобрительно или нейтрально. Исключением стал только молодой мужчина, с трудом связывающий слова, но компенсирующий этот недостаток высокой эмоциональностью: «Не нужно нам такое!» Его супруга улыбалась и отказывалась отвечать, смущённо отмахиваясь от камеры. Впрочем, единственный, кто не только знал, что такое феминизм, но серьёзно и уверенно высказался за необходимость такого активизма, был тоже молодой мужчина, с виду студент старших курсов.

ТАК ЧТО ЖЕ ТАКОЕ феминизм в сознании обывателя/-ницы в СНГ? Редко кто сегодня в России, Беларуси или Украине открыто скажет, что он/-а против равной оплаты за одинаковый труд, либо против того, чтобы супруги делили обязанности поровну. Мало кто заявит, что место женщины на кухне, а мужчины — на войне, что «бьёт — значит любит». Сами женщины будут активно сопротивляться, если окружающие мужчины попытаются лично их подчинить и отобрать у них право на реализацию. Но что такое феминизм и с чем его едят, они всё равно не задумываются.

ТАК КАК ЖЕ НАЗВАТЬ такую жизненную позицию? Бывает ли феминизм латентным?

В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ есть такое слово «эм*а*нсе» (у нас более принят вариант «эмансипе»). Оно появилось в 60–70-х годах, на второй волне феминизма, и употреблялось вначале с негативным, саркастическим оттенком, стояло в одном ряду с «синим чулком» и такой же саркастической «суфражисткой». Сегодня оно практически потеряло негативную коннотацию, изменившись вместе с общественным восприятием эмансипированной женщины.

ХОТЯ «ЭМАНСИП*Е*» часто употребляется как синоним «феминистки», я вижу в них существенную разницу. Эмансипе — это про личную независимость и достижения. Лицо эмансипации сегодня — это ещё и женщина-политик, продвигающая антиженские законы, учёная, актриса или другая публичная персона, заявляющая в интервью, что «мужчины умнее женщин»,

но считающая себя лично достойной чего-то большего, чем обслуживание семьи и мужа. В конце концов, это Сара Пейлин, ратующая за запрет абортов, это Екатерина Лахова, продвигавшая «антисиротский закон» в России, это и Лидия Ермошина, фальсифицирующая не первый год президентские выборы в Беларуси в угоду «батьке», участвующая в политике самым грубым образом, но при этом при любой возможности оскорбляющая оппозиционерок, отправляя их «варить борщ».

ЛЮБАЯ ЛИ ЖЕНЩИНА, прорвавшаяся к власти и имеющая влияние, сделавшая карьеру, — феминистка? Одинаковое ли отношение к феминизму имеют закрывшие лицо балаклавами Pussy Riot и оголённые, стилизованно сексуальные FEMEN? Любой ли женский активизм — феминизм? Да нет же, конечно! Среди эмансипе не редки патриархалки и даже «кабанихи», устраивающие «дедовщину» остальным дамам. Ко всем окружающим женщинам они часто относятся с пренебрежением и без сочувствия. Солидарность — это не о них. Да, они за то, чтобы у женщин были права, но только когда это касается их лично. Такая женщина будет сама писать докторскую по физике, но с радостью пнёт невестку, чтобы та домом занималась, а не о карьере думала. Сама займёт пост в парламенте, но будет пропагандировать «борщ» своему электорату. Достигнет карьерных высот, но не поможет собственным сотрудницам в вопросах социальных гарантий, будет охотнее принимать на работу мужчин, потому что тем «не надо рожать» и так далее.

ВПРОЧЕМ, «ДЕДОВЩИНА» — необязательная часть программы, просто и она встречается. Личный успех и бороба за свои права могут быть и началом пути как для феминистки, солидарной с другими сёстрами по полу, так и для сосредоточенной исключительно на себе эмансипе. Всё-таки современный феминизм — это именно активизм, просвещение, работа на общее благо, политическая деятельность, направленная на изменение общественных норм и стереотипов, а не только обсутраивание кусочка социума поудобнее под одну себя. На мой взгляд, логично расти над собой и, начав с личной эмансипации, перейти к активизму на общее благо. Но так случается далеко не всегда.

В ИНТЕРВЬЮ «Белсата» были три школьницы лет двенадцати. Все три не знали в начале разговора с журналисткой, что такое феминизм и растерялись. Съёмочная группа продолжала опрашивать прохожих, а девочки взяли паузу и ушли куда-то гулять, однако через некоторое время они вернулись. Одна стеснительно оставалась в стороне и слушала. Вторая поддакивала всему. А третья, раскрасневшись, выдала: «Мужчины думают, что они самые главные! А главные на самом деле те, кто больше делают. Женщины чаще делают больше, чем мужчины!» Мне интересно, станет ли эта девочка феминисткой. Хорошо бы. Необходимый запал у неё, похоже, есть. Вот я, например, с ходу поверила её сбитой на бок шапочке и горящим глазам.

ЛИЧНОЕ — ЭТО ПОЛИТИЧЕСКОЕ

ТИММИ, АНАРХО-ФЕМИНИСТКА

В силу многих факторов я, как и большинство людей, была и до сих пор довольно-таки скована относительно различных тем. Мы все стыдимся чего-то, себя или своего тела, освободиться от этого мы можем только «выйдя из шкафа».

Мне бы хотелось воодушевить каждую женщину, рассказать, что она не ненормальна, рассказать, что ненормальных не бывает. Пуританское общество насилия заставляет нас прятаться по углам вместе со своими проблемами, молчать, замыкаться в себе, страдать в одиночестве. Но стоит лишь оглянуться и поделиться своими проблемами с людьми вокруг, и ты окажешься уже не такой «ненормальной» — относительно мифической нормы, которую ты сама создала у себя в голове, и заставила себя верить в неё.

Каждой женщине стоит попытаться сбежать с кухни, выйти из чулана, сломать свой личный шкаф с пустыми стеклянными банками и полиэтиленовыми пакетами.

Чем больше мы будем говорить о существующих проблемах, а главное — о существующих путях их решения, тем лучше. Практика обсуждения табуированных тем рано или поздно все-таки станет привычной. Если мы хотим настоящего, неподдельного освобождения, нам стоит как можно больше говорить о том, что нас на самом деле волнует. Начать можно с дискуссионных площадок, где женщинам было бы комфортно делиться своим личным опытом. Отличным примером тому являются группы роста самосознания.

Репродуктивный выбор, свободная любовь, бритьё ног — всё это красные тряпки для патриархата, иерархического общества, в котором подавление непохожих и выходящих за рамки допустимого обществом и ханжеской моралью, — норма. Я же отказываюсь быть приемлемой.

Мне кажется, очень важно, чтобы женщины могли поделиться опытом и не бояться быть осмеянными или обвинёнными. Чтобы на одну женщину, рассказавшую об изнасиловании, о насилии, совершённом любимым человеком, о принуждении к чему-то, о сделанном аборте, о каком-то смущении или недопонимании, находилось несколько женщин, которые не испытывали страх и стыд. Иначе мы оказываемся в ситуации, в которой никто якобы никогда не испытывает на себе ни физического, ни эмоционального, ни вербального насилия. Никто не делает абортов, никто, в конце концов, не занимается сексом.

Я ощущаю чудовищную табуированность темы секса. С одной стороны, им разрешается заниматься исключительно при выключенном свете под одеялом и после свадьбы, а с другой стороны, всюду навязывается образ легкодоступной женщины.

Нам нужна практика поддержки и воодушевления, практика роста самосознания. Нам всем следует перестать бояться и стыдиться себя и своих вопросов. Ведь только так, изнутри, мы сможем победить сексизм, гомофобию, мизогинию, патриархат и все прочие дискриминации.

Однажды причин открыться будет много. А я бы хотела быть просто ещё одной.

ЛИЧНОЕ — ЭТО ПОЛИТИЧЕСКОЕ

Женский мир: призраки и реальность

илл.: Умная Маша

В повседневной обыденности все мы привыкли к традиционному разделению гендерных ролей — все люди знают, что есть мальчики (которые направо) и девочки (которые налево), а тот, кто подвергает сомнению всё, что из этого следует, — нарушитель правопорядка, опасный тип и вредитель, или попросту сумасшедший. Это разделение соблюдают в обыденной жизни даже те, кто смотрит на него критически: в самом деле, не станешь же на бегу объяснять все тонкости системы гендерных стереотипов человеку, который никогда не подвергал сомнению абсолютность морали домостроя в гламурной лайт-версии Голливуда. Так и выходит, что один из самых укоренённых в общественном сознании мифов — миф о разных мирах — «М» и «Ж». Сегодня, накануне 8 марта, поговорим о «женском мире».

Арсений Тихонов

МЕЖДУ НАМИ, ДЕВОЧКАМИ

«Женский мир» предполагает вполне стандартный диапазон действий, вещей и образов: дом/быт, семья/материнство, любовь, красота, иррациональность, эмоциональность, инфантильность. Практически любая женщина автоматически подключается к этой системе ценностей, вне зависимости от того, в какой мере она реально им соответствует или хочет соответствовать. Со временем она либо смиряется с ними и/или начинает их разделять. Неотвратимое закрепление за конкретным биологическим полом конкретного социального гендера, происходящее в нашем обществе, приводит к конституированию личности как бы извне, «сверху». Похоже, что корень этого процесса — в мнимом ощущении природной предопределённости такого положения вещей. Многие на полном серьёзе полагают, что любовь к высоким каблукам, химической краске на лице и импортным кастрюлям носит генетический характер, так же, как инфантильность, неумение пользоваться перфоратором и драться. Само существование «женского мира» со всей его «милой ерундой» объясняется тем, что так, якобы, устроила природа.

Женская пресса, женские клубы, женские паблики и женские романы — всё это как бы указывает нам на то, что нет, женщины не забыты, они не на обочине общества — ведь вокруг есть столько всего для женщин — целый мир! Предполагается, что любой женщине должно стать от этого теплее и светлее, комфортнее и приятнее.

В самом деле, дискурс «между нами, девочками» пленял и продолжает пленять девушек и женщин как некий укромный уголок, как позволенный низкокалорийный кусочек идентичности, как способ утешиться и перенести тяготы жизни своим, «женским» способом — например, с помощью шопинга, похода в салон красоты или поиска новых рецептов старых блюд.

ПИВО ИЛИ ТУФЛИ?

Но если мы присмотримся к этому уголку пристальнее, мы увидим, насколько призрачны его декорации и насколько они не имеют ничего общего с реальными женщинами и женскими проблемами. В одной известной рекламе пива очень живо интерпретируется тема женского и мужского «миров»: женщины входят в комнату, полную туфель и сумочек, и радостно кричат; в другой части дома в аналогичную комнату входят мужчины, но внутри — несметное количество пивных бутылок, и мужчины кричат не менее радостно. Мораль стара как мир и проста: каждому — своё. Девочки любят туфли, мальчики — пиво. Но в чём же разница? Всем известно, что туфли — обувь неудобная, высокие каблуки вызывают боль, и носят их, конечно, не для себя. Как говорилось в одном женском паблике, «надела туфли — роскошная женщина, сняла — счастливый человек». Так значит, девушки из рекламы — мазохистки? Вряд ли. Ведь туфли — всего лишь средство добиться, в обмен на страдания, мужского (и женского) внимания. А мужское внимание — это не просто перспективы удачного замужества (и, следовательно, «хорошей жизни»), но также и большие шансы на трудоустройство, на карьерный рост, на уважение окружающих. Вернёмся к рекламному ролику: входя в комнату с горой туфель, женщины внезапно понимают, что получают сразу много шансов стать признанными, воспринятыми — но только шансов, а вовсе не гарантий.

Чем отличается радость мужчин из того же видео? Мужчины радуются морю пива — оно принесёт им расслабление, даст внутренний комфорт. Эта радость — в отличие от радости женщин — не опосредованная, в данном случае сам объект приносит радость, пиво здесь — чистый источник удовольствия. В то время как туфли, что очевидно, не являются источником удовольствия и не предлагают женщине расслабления, психологического комфорта в самой себе. Напротив, они ориентируют её на переживание себя как объекта пристального наблюдения, при этом вердикт о её праве быть воспринятой и счастливой выносится извне по результатам такого наблюдения. Поэтому уже само то, что женщины научились получать от «горы туфель» удовольствие и думать, что оно тоже прямое, — бесспорно, величайшее достижение гендерной политтехнологии.

В одной сетевой дискуссии по этой теме было высказано крайне меткое замечание. Журнал Cosmopolitan позиционирует себя как «журнал для неё», то есть как уютный кусочек женского мира «между нами девочками». При этом большинство тем, которым посвящены его нехитрые тексты, связаны с предпочтениями мужчин в тех или иных жизненных ситуациях, с тем, что нравится мужчинам, как угодить мужчине, что можно делать при мужчине, а чего нельзя, и так далее. В таком случае действительно ли это журнал «для неё» и о ней? Есть ли в нём что-то, кроме императивов, направленных на приведение себя в соответствие с тем, как хочет «он»? В чём тогда «женскость» этого журнала, если он направлен не на саму женщину, а на приведение её в надлежащее, с точки зрения общества и «мира мужчин», состояние? В самом ли деле подобный журнал отражает интересы женщины — не как придатка к мужчине, а как личности, человека со своим собственным миром? Не становится ли в таком случае очевиден наносной характер почти всего из того, что позиционируется в обществе как «сугубо женские» и «обусловленные самой природой» качества?

ПРЕЗРЕНИЕ

Следствием такого выстраивания женщины по всем правилам не всегда оказывается похвала. Напротив, зачастую возникает, а затем культивируется именно презрение к ней из-за ряда привнесённых в неё качеств. Большинство сексистских пабликов в сети и доводов о неполноценности женщин апеллируют к примитивной «природе» женских интересов и к узости женского кругозора — как к прирождённым женщине чертам. (Мало кто обращает внимание на то, как подозрительно совпадают пункты этого кругозора с тематическим диапазоном чтива, предлагаемого женщине как надлежащее и подобающее — если она, конечно, хочет быть счастливой и сделать счастливыми окружающих.) Всё воспринимается так, будто женщины и вправду рождаются с фанатичной мечтой о свадебном платье и красивых туфельках, а мужчины — с умопомрачительным IQ и задатками Эйнштейна.

ЭМПИРИКА

Однако что можно сказать о реальном женском опыте в современном обществе? Всем известна пропаганда глянцевых журналов: успешные знаменитости в красивых машинах и нарядных одеждах — вроде такие же люди, но как бы идеальные, достойные подражания. Простому читателю никогда не достигнуть этого уровня, но он может копировать, и чем успешнее, тем больше радости ему это принесёт, ведь тем на большее уважение он сможет рассчитывать. Поистине несметно количество фотографий Анджелины Джоли на страницах сетевых аккаунтов простых девочек из самых разных городов России и мира. Забывая о себе, уводя в тень себя реальных, они фокусируются на недостижимом «должном».

И, возможно, никогда так и не узнают ничего о самих себе — не заметят, пройдут мимо своих собственных повседневных биографий, своих задавленных индивидуальных особенностей, и так никогда и не увидят, насколько личное может быть политическим.

А ведь большинство российских женщин регулярно претерпевают самые разные формы угнетения — начиная от многочисленных «стеклянных потолков» (это когда выше не прыгнешь, как ни пытайся), заканчивая насилием, в том числе домашним, но не придают этому должного значения.

С детства обречённые в своей исключённости из общества на особенное как бы субэкзистенциальное одиночество, многие из этих женщин так никогда и не узнают душевного тепла, сострадания и обычной человеческой радости (не связанной с гендером и продолжением рода) — например, радости познания, открытия, дружбы, солидарности, борьбы, творческого уединения... Большинству из них навсегда останется незнакомым контакт с окружающим миром в его сложности и многообразии. Но, пожалуй, самое ужасное — то, что большинство из них так и не узнает о том, что их реальные повседневные проблемы и страхи — не личное отклонение (а так думают о себе многие), но проблема тысяч таких же женщин и девушек, не решающихся артикулировать свой травматический или какой-либо иной опыт. О таких вещах молчат глянцевые журналы и популярные передачи.

ПОДМЕНА ПОНЯТИЯ

Что же такое реальный «женский мир» сегодня? Блестящий магазин с большим количеством зеркал и полок с одеждой и домашней утварью? Инструкция о том, как стать правильной принцессой и хорошей леди? Мир бестолковых вещиц и способов траты времени, не понятных интеллектуальным мужчинам? Всё это имеет не большее отношение к реальным женщинам, чем солидный оливковый «Мерседес» и ручка Parker — к реальным мужчинам. В этом квази-мире нет отражения ни реальных проблем, с которыми сталкиваются девушки и женщины в повседневности, ни способов открыть собственные радости и понять себя. Ничего личного.

Но женский мир как он есть — это особая оптика, направленная на повседневность, закулисье общества. Это беспрецедентный опыт многообразия форм иерархии и её подноготной, и, как следствие, опыт глубинной эмпатии, хранящей в себе подлинно революционный потенциал.

Виктория Ломаско

ЖЕНСКОЕ

В серии «Женское» все персонажи нарисованы с натуры, и их реплики записаны дословно.

Однако, это не только портреты конкретных людей, но и архетипы:
увядшая и одинокая;
бухающая и гулящая;
жесткая советская старуха…

Каждый рисунок добавляет свой оттенок (грусти, иронии, злости) в общую картину — жизнь женщин в русской провинции.

Я родилась в подмосковном городе Серпухове. Вокруг женщины и девочки говорили о мужчинах: знакомых и незнакомых, прошлых, настоящих, будущих. Мы верили, что любовь изменит однообразное течение наших жизней.

У меня была еще одна вера — в свое призвание художника. План поехать учиться в Москву, а потом заниматься искусством, одобрял только папа, художник. Некоторые мамы подружек старались, чтобы их дочери поменьше общались со мной, считая подобные бредни заразными и мешающими найти мужа. Они оказались правы — я до сих пор не замужем и без детей.

Больше десяти лет я живу в Москве. Приезжая в провинцию, узнаю знакомые картины и разговоры. Даже разведенные подруги сочувствуют моей «горькой участи».

Я стала художницей, но не чувствую себя победительницей. В нашей стране и моя, и их жизненные стратегии оборачиваются проигрышем. Я смотрю на «героинь» серии «Женское» и во всех них нахожу частицу себя.

Лора Лессель

Восьмое марта

ВОСЬМОЕ МАРТА — ДЕНЬ ВЕСНЫ, ЛЮБВИ И КРАСОТЫ ИЛИ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ДЕНЬ СОЛИДАРНОСТИ ЖЕНЩИН В БОРЬБЕ ЗА ЭКОНОМИЧЕСКОЕ, СОЦИАЛЬНОЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАВНОПРАВИЕ?

ОБЫЧНЫЕ ПОЗДРАВЛЕНИЯ С 8 МАРТА — ЭТО НЕВЕРОЯТНО ТОСКЛИВО ПО СРАВНЕНИЮ С ЕГО ИСТОРИЕЙ И С ТЕМ, КАК ЕГО ПРАЗДНУЮТ АКТИВИСТКИ СЕЙЧАС. КСТАТИ, В 2013 ГОДУ ЭТОМУ ПРАЗДНИКУ В РОССИИ — СТО ЛЕТ.

История политического протеста — безусловно, это и женская история.

Но однажды неизбежно возникла необходимость отдельной, специфической борьбы против угнетения женщин. И в 1910 году социалистическая партия США уже провозгласила последнее воскресенье февраля Национальным женским днём. А в конце августа 1910 года 100 делегаток из 17 стран встретились на второй международной конференции женщин-социалисток в Копенгагене в рамках восьмого конгресса Второго Интернационала, где, среди прочего, Клара Цеткин предложила выбрать определённый день, чтобы привлекать общественное внимание к своим требованиям. В 1911 году Международный день солидарности женщин в борьбе за экономическое, социальное и политическое равноправие отметили уже в нескольких странах — в Германии, Австрии, Дании, Швейцарии и США.

Женское и оппозиционное движение в России к тому моменту уже имело долгую историю. Социал-демократки организовали по поводу дня солидарности работниц 2 марта 1913 года в Петербурге «научное утро по женскому вопросу». Именно работницы Петрограда, которые отпраздновали в тот год свой женский день, организовали забастовку в разрез с решением ЦК партии большевиков и начали февральскую революцию 1917 года, придали массовость крупнейшей феминистской манифестации с требованием политических прав для женщин. 19 марта 1917-го Лига Равноправия сумела провести массовую мобилизацию, объединить порядка 90 разрозненных групп — и вывела на улицы более 40 тысяч женщин с требованием политических прав. Шествие тогда возглавила Вера Фигнер. Манифестация проследовала к Государственной Думе под лозунгами, в числе которых были: «Без участия женщин избирательное право не всеобщее», «Свободная женщина в свободной России!», «Женщины, объединяйтесь!». И тогда, весной 1917-го, русская женщина стала считаться полноправной и свободной гражданкой. Но свободу ещё предстояло создать, — писала современница событий М. Покровская, издательница журнала «Женский вестник».

С 1921 года 8 Марта — «день работниц», с 1965 года — выходной. С 1975 года по решению ООН — Международный женский день. Но постепенно этот праздник в нашей стране стал таким, про который грустно шутят: «Молчи, баба, твой день — 8 Марта».

В то же время с конца 1960-х женский день получает новый импульс с развитием феминизма в общемировом контексте.

Последнее время в России на 8 Марта случаются небольшие, но свободные и самоорганизованные акции: за несколько лет до Pussy Riot весёлые девушки в розовых балаклавах вывешивали днём на Манежной площади лозунг: «Цветы сегодня, кандалы — каждый день» и поливали прохожих шампанским, активистки в Петербурге клеили на Невском проспекте плакаты с портретами Ульрике Майнхоф и Марии Спиридоновой, феерически открывали выставку «Необыкновенные трусы: нижнее бельё глазами женщин».

Солидарность женщин в борьбе против экономического, социального и политического угнетения — это непросто. Но это нужно. Об этом знали работницы в конце XIX и начале XX века в Америке и России, Германии и Швейцарии, об этом знали Клара Цеткин, Роза Люксембург, Эмма Гольдман и Александра Коллонтай, об этом знают женщины мира — сейчас.

КОГДА МЕНЯ ПОЗДРАВЛЯЛИ в школе с 8 Марта, я воспринимала это как личное оскорбление. Так называемые мальчики дарили нам, так называемым девочкам, цветы. Это происходило обычно через две недели после того, как их объявляли «защитниками родины». Тогда становилось окончательно понятно, что защитники — это мужчины и чтобы из части наших одноклассников создать таких вот субъектов, нужны объекты защиты, то есть те, которым нужно в знак их незащищённости делать аппликации, дарить цветы или петь какие-то странные песни. В старших классах объективизация так называемых девушек принимала дополнительные сексуализированные формы: учителя и учительницы — а за ними повторяли, посмеиваясь, и так называемые мальчики (потому что, конечно, это всё было не по желанию) — говорили о красивых девушках, о будущих прекрасных женщинах, о представительницах слабого пола, о будущих матерях и т.д., и т.п. Так и оставалось у меня долгие годы Восьмое марта днём антиэмансипации, сексизма, днём, когда мир становится поделенным на сильных мужчин и слабых женщин.

ЕЩЁ ДОВОЛЬНО ЮНОЙ я оказалась в Берлине, а потом и в Мюнхене, и, когда несколько лет назад одна из товарищей-феминисток первый раз поздравила меня с «международным женским днём», у меня случился тот шок, который, наверное, и называют культурным. Дело в том, что немецкие феминистки — и либеральные, и лево-либеральные, и лево-радикальные — празднуют «Международный день борьбы женщин», противопоставляя его сексистскому празднику «Дня матери». «День матери» был институциализирован в Германии во время национал-социализма и играл важную роль в идеологической пропаганде, немецкая женщина была сконструирована асексуальной матерью арийских детей — будущих солдат. Его до сих пор активно и широко отмечают во второе воскресенье мая. В каждом садике и школе к этому дню дети готовятся, они делают аппликации, поделки, а потом вместе с папами покупают цветы или торты и идут к нежным, красивым матерям, чтобы защищать их и поблагодарить за уборку.

ДЕНЬ РОССИЙСКОЙ февральской революции, восьмое марта, остался в Германии важным днём эмансипации, борьбы за равноправие и против угнетения. О нём знают не все, поздравления можно услышать лишь от тех, кто считает себя феминистом/-кой или симпатизирует феминизму. Мы устраиваем в этот день акции солидарности, демонстрации, флэшмобы, круглые столы и дискуссионные вечера и пытаемся привлечь внимание к актуальным проблемам положения женщины, к теме сексуального насилия, гомофобии, трансфобии или рассказываем о движении сексуальных работниц/-ков.

Я РАДА, что современное левое феминистское движение в России начало бороться за этот революционный праздник, за его эмансипационное содержание и форму. Для ежедневной борьбы очень полезно различать на теоретическом, ритуальном и бытовом уровне день борьбы против патриархата, угнетения и инструментализации женщины как сексуального и деторождающего объекта.

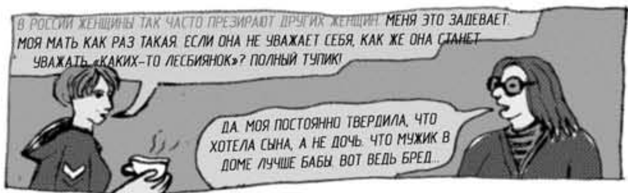

ЛЕСБО ДРАМА #1

СТРАШНАЯ ПРАВДА, О КОТОРОЙ ВЫ ДАЖЕ НЕ ДОГАДЫВАЛИСЬ

Нарисовала УМНАЯ МАША

ТЫ БОЛЬШЕ НЕ ОДНА.
ПРОДОЛЖАЙ.

ПОТОМ – БОЛЬ И ЯРОСТЬ ....

ДЕЙСТВОВАТЬ... НО КАК?!!...
ДОРОГАЯ МОЯ, Я РЕШИЛА ЭТУ ПРОБЛЕМУ БЫСТРО, ДЕШЕВО И ПРОСТО. ЗАСТАВИЛА ЕЕ ВЫЙТИ ЗАМУЖ ПРЕКРАСНЫЙ МЕТОД, ОСОБЕННО ЕСЛИ КАК СЛЕДУЕТ УМЕЕШЬ ЗАПУГИВАТЬ И ОРАТЬ.

Я СДЕЛАЛА ВСЕ, ЧТО НУЖНО, НО ПОТОМ ОНА РАЗВЕЛАСЬ И УЕХАЛА ИЗ ДОМА НЕИЗВЕСТНО КУДА...
ОНА ЗАБРАЛА ВСЕ СВОИ ВЕЩИ!!!!!!!!!!!
МАМА, ДОСВИДОС!

НУ, А Я СТОЮ НА СВОЕМ. ВСЮ ДУРЬ ИЗ НИХ ВЫВЕДЕТ НОРМАЛЬНАЯ СОВЕТСКАЯ СУПОВАЯ КАСТРЮЛЯ! ЖРУТ ПУСТЬ И БЛАГОДАРЯТ РАЗ САМИ ГОТОВИТЬ НЕ НАУЧИЛИСЬ.

АЗЗЗЗЗ
Мать снова и снова звонила сначала мне, потом моей подруге, потом ее родителям, крича и проклиная. Я чувствовала себя потерянной.

Я почему-то часто чувствовала себя виноватой в том насилии, что я постоянно получала от семьи.

Когда я бывала дома, мать орала на меня часами. А потом от нее приходили письма о погоде. Я вынуждала себя отвечать на них. «Да, мама. Скоро похолодание».
А моя мать звонила Вике на работу, когда узнала, что мы с ней встречаемся. Про моральный облик говорила.

Когда моя дочь побрилась налысо, я ВЫГНАЛА ее из дома! НЕВОЗМОЖНО ЭТО ТЕРПЕТЬ!
Сочувствую, ужасная гадость. Многие наши сестры просто не выдерживают такого ХАМСТВА !!!!!
ХОРОШИЕ ПОБОИ ЗАСТАВЯТ ЛЮБУЮ ДУРУ ОТКАЗАТЬСЯ ОТ СВОЕЙ ТАК НАЗЫВАЕМОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ. ЗАПОМНИТЕ ЭТО
Боюсь, что я почувствовала себя спокойной, только когда обрезала ей телефонные провода...
А я решила, что достану звонками ее партнершу!
ПАРТНЕРШУ? фу! ну и слово. По-нормальному уже говорить разучились.
ФУ!!

НЕТ, МАМА, ЭТО ТВОИ ФАНТАЗИИ, И ОНИ МНЕ БОЛЬШЕ НЕ ИНТЕРЕСНЫ.

ПОКА, ИРА!
ПРОЩАЙТЕ! КЛЯНУСЬ, Я НЕ УРОНЮ ВЫСОКУЮ ЧЕСТЬ ОРДЕНА АНТИ-ЛЕСБОТСКИХ МАТЕРЕЙ РОССИИ!
По-моему, моя мать попала в секту. Все время молится.
Моя, по ходу, тоже.
А я вчера нашла на кухне гербы, кресты, топор и символику с надписями «ДОЛОЙ ЛЕСБОТСТВО И МАСОНСТВО». Лесботство! Что еще за дикий жаргон?!
У меня есть только одно решение. Я нарисую про них КОМИКС.
ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ.....

РАБОТАЕШЬ?
НЕ ДАВАЙ НА СЕБЕ ПАХАТЬ!

Маша Курзина
координатор Международного союза пищевиков IUF www.iuf.ru

Экономическая самостоятельность, ставшая доступной женщинам со вступлением в мир оплачиваемого труда, распахнула для них дверь к эмансипации в обществе, политике, образовании, искусстве... да где угодно.

Одновременно признание (или непризнание) прав женщины на своё тело, своих детей, на своё время и имущество, на образование, на независимое политическое и социальное участие не может не влиять на то, как, где и на каких условиях они трудятся и сколько зарабатывают.

Увы, для подавляющего большинства женщин эта взаимосвязь знаменует отнюдь не расширяющуюся сферу возможностей, а замкнутый круг бедности, укрепляющей бесправие, и бесправия, воспроизводящего бедность.

В среднем разрыв между оплатой труда мужчин и женщин в мире составляет 20 процентов и не уменьшается уже два десятилетия. В России этот показатель стабильно превышает 30 процентов.

Проблема усугубляется половой сегрегацией по сферам занятости (традиционно «женскими» считаются менее оплачиваемые профессии) и так называемым эффектом «стеклянного потолка» — невозможностью для женщин продвинуться выше определённых ступеней карьерной лестницы. Из-за семейных и домашних обязанностей им в меньшей мере доступны подработки и сверхурочные. Между тем зарплата женщин составляет основной источник дохода более чем у 60 процентов семей.

Существующие гендерные роли порождают в женщинах большее чувство ответственности за благополучие детей и других зависимых членов

Несколько фактов

в СССР	сегодня
90% государственных дотаций на закупку техники	в текущем году дотации отсутствовали
бесплатное жилье для работников совхоза	—
единая государственная цена на молоко	молокозаводы принимают молоко по цене 13 рублей за 1 литр
цена 1 литра топлива равнялась цене 1 килограмма зерна	цена 1 литра топлива равняется цене 5 килограммам зерна

семьи — стариков, больных — которых они поддерживают, в том числе и материально. Это значит, что бедность женщин неизбежно порождает бедность зависящих от них членов семьи. Мужчины часто используют своё более свободное положение, чтобы тратить свои деньги на себя, что делает женщин реальными «кормилицами» многих домохозяйств.

Дополнительный удар по женщинам наносят угрожающе распространенные неустойчивые формы занятости, при помощи которых работодатели сбрасывают с себя ответственность за работников. Временные трудовые договоры или замена их гражданско-правовыми «договорами подряда», всевозможный «вывод за штат», частичная или неполная занятость, привлечение работников через посреднические фирмы и агентства, а то и вовсе без всякого трудового договора, подённый наём... Этим промышляют и мелкие фирмочки, и крупные транснациональные компании. Общая шаткость и уязвимость положения женщин в обществе, заставляющая их соглашаться на любую работу, неизбежно делает их большинством в сфере неустойчивой занятости (как, впрочем, и в неформальной экономике). «Качественные» рабочие места остаются привилегией мужчин.

В полдень все комбайны и КАМАЗы съезжаются к полевой кухне. Молода повариха привезла обед: похлебку на тушенке, макароны с котлетами хлеб и чаи. Котлеты из мяса совхозных коров, были такими огромными и питательными, что я объелась половиной котлеты.

И для женщин, и для мужчин неустойчивая занятость означает: меньше денег, отсутствие социальных гарантий, опасность лишиться работы в любой момент, больше бедности, больше неуверенности и страха. Всё это люди неизбежно несут в семью. Исследования показывают прямую связь между неустойчивой занятостью и уровнем домашнего насилия...

Неустойчивая занятость сама по себе опасна для здоровья (прежде всего за счёт сердечно-сосудистых и неврологических заболеваний, вызванных стрессом). Но опасна она также и тем, что позволяет работодателям скидывать с себя ответственность за безопасность производства, за обеспечение работников средствами защиты и спецодеждой, даже не проводить банальный инструктаж. Результат — рост количества несчастных случаев, в том числе — со смертельным исходом.

Впрочем, женщины не всегда могут сохранить здоровье и там, где с формой занятости всё благополучно. Нормы физической нагрузки и поднятия тяжестей, рабочие места, техника и инструменты не рассчитаны на особенности организма, меньший рост или меньшую длину рук женщин. Из-за ошибочного представления о том, что женщины вообще хуже справляются с техникой, на их долю выпадает больше ручного, ча-

Материал проиллюстрирован фрагментами комикса Виктории Ломаско «Герои Крапивны»

сто — тяжёлого труда. Монотонные и быстро повторяющиеся операции на конвейерах вызывают острые мышечные боли — так называемый «синдром повторного напряжения» или «хроническое растяжение сухожилий травматического характера», во многих случаях ведущие к инвалидности, но в большинстве стран так и не признанные профессиональным заболеванием. Повторяющаяся смена температурного режима (например, при работе на предприятиях с холодильными установками) или давления (у экипажей самолетов), долгое стояние или, наоборот, необходимость многократно приседать ведут к нарушениям работы репродуктивной системы женщин. Эти и многие другие факторы, в том числе возможная нетрудоспособность в период менструации, почти никогда не учитываются при организации работы и создании правил охраны труда. Последствием соприкосновения с химикатами или работы с животными, вредных условий труда могут стать выкидыш или даже полное бесплодие (например, при заражении бруцеллёзом от рогатого скота).

Спор о репродуктивных правах женщин затрагивает не только вопрос допустимости отказа от беременности и возможности родить здорового ребенка — даже сама способность женщин к рождению детей дает основу для дискриминации при найме и поводом для увольнения. Доставшиеся России в наследство от СССР многочисленные законы, защищающие права работающих родителей, стремительно отменяются или перестают применяться на практике. Только несколько недель назад благодаря долгой кампании удалось добиться принятия закона о выплате детских пособий непосредственно матерям, поскольку многие работодатели «забывали» перечислять им полученные от государства деньги.

Не слишком очевидно, но сексуальные домогательства и насилие в отношении женщин — это тоже вопросы трудовых прав и охраны труда. Женщины, сталкивающиеся с насилием по отношению к ним или к их детям, не могут нормально работать, вынуждены брать больше больничных, что ставит их перед риском потерять место и рикошетом делает более уязвимыми дома, откуда они не могут уйти, будучи экономически зависимыми.

— Самое трудное — постоянно вставать в три часа утра

Женщины особенно востребованы в отраслях, связанных с обслуживанием. Работа здесь требует угождать клиенту, что часто воспринимается клиентами-мужчинами слишком широко. Работодатели же не видят необходимости защищать сотрудниц от сексуальных посягательств «гостей», даже если для этого необходимы самые минимальные меры. Только после нашумевшего скандала с Домиником Стросс-Каном профсоюзу горничных Нью-Йорка удалось добиться права на ношение брюк и работу в парах, чего они требовали много лет! Также особой опасности сексуального насилия подвергаются женщины в сельском хозяйстве и те, кто работает по ночам или задерживается допоздна.

Угроза сексуального насилия неотделима от опасности заражения ВИЧ/СПИДом. Женщины биологически более восприимчивы к этому вирусу, кроме того, власти над собственным телом у них меньше, чем у мужчин. Принуждение к открытию своего ВИЧ-статуса противоречит праву на сохранение в тайне медицинского диагноза, а возможность его передачи в рамках большинства видов профессиональной деятельности отсутствует, но в России тест на ВИЧ является необходимым для получения медицинской книжки и долгосрочной визы.

Женщины, вынужденные работать вдали от дома, особенно уязвимы. Они подвергаются дискриминации и как женщины, и как мигранты. Неуверенность, отсутствие защиты в чужом городе, а тем более — в чужой стране, незнание языка, страх депортации, боязнь потерять работу — возможность контроля над ситуацией для них стремится к нулю. Многие женщины едут за рубеж, чтобы работать в частных домах нянями, уборщицами, сиделками. Власть нанимателей над ста миллионами женщин, занятых такой работой по всему миру, часто не ограничена ничем. В большинстве стран домашние работницы до сих пор исключены из-под действия трудового законодательства, а на международном уровне их статус наёмных работников был закреплен 189-й Конвенцией Международной организации труда только в 2011 году.

Признание за женщинами права на баланс между работой и жизнью вне работы, справедливая оценка их общественного и экономического вклада, отказ от стереотипов, предписывающих пресловутое «кухонное рабство» и лишающих женщин возможности самореализации, — всё это так или иначе касается прав в труде, делая эту тему слишком большой для газетной статьи.

Единственное, чего не достаёт здесь, — это благодарности. Уборщицам и няням из международной сети IDWN, которые в июне 2011 года заставили МОТ признать домашних работников не слугами, а трудящимися. 187 нанятым через подставную фирму работницам омской фабрики мороженого, которые 12 мая прошлого года вышли на забастовку, создали профсоюз и добились возвращения в штат предприятия. Горничным Нью-Йорка, сборщицам чая из провинции Ассам, швеям Бангладеш, служащим муниципалитетов Австралии, продавщицам уличных лотков из Индии и ЮАР, учителям Бахрейна, медсёстрам Италии... Потому что пока есть женщины, не боящиеся объединяться и вместе отстаивать своё право на лучшую жизнь, у нас есть шанс изменить этот мир.

Третья волна

почему я — не радикальная феминистка

ОБЫЧНО ПОД ТРЕТЬЕЙ ВОЛНОЙ ФЕМИНИЗМА ПОНИМАЮТ ТО НАПРАВЛЕНИЕ ФЕМИНИСТСКОЙ МЫСЛИ, КОТОРОЕ БЫЛО ВЫРАБОТАНО НЕБЕЛЫМИ ЖЕНЩИНАМИ. ЕГО ПОЯВЛЕНИЕ ОТНОСИТСЯ К КОНЦУ 80-Х ГОДОВ XX ВЕКА.

текст: Е.М.

Феминистки третьей волны упрекали европейских и американских феминисток в том, что те в своих концепциях исходили из опыта западных белых женщин среднего класса, игнорируя опыт цветных женщин с их не западной культурой, историей колониального угнетения и пр.

Когда я начинала свою публичную феминистскую деятельность, я соотносила себя с радикальными феминистками, но опыт работы в активистской среде помог мне осознать не только свою классовую «неполноценность», но и свою «маргинальность» внутри «радикального» феминистского сообщества. Постепенно я пришла к выводу, что нахожу много общего с разработками феминисток третьей волны и с их упрёками в адрес белых феминисток. Сейчас я хочу сказать, что не существует такой универсальной категории как «женщина», о которой говорили радикальные феминистки, а равно не существует и «мирового сестринства» (впрочем, как и «братства»). Я не разделяю надменную точку зрения, что женский опыт везде одинаков. Я хочу сказать, что пол (гендер) не существует вне рамок культурных различий, вне рамок классового, национального или, даже, религиозного самосознания. А моя личная идентичность не совсем связана с идентичностью белых феминисток.

В своё время африканская теолог Mercy Amba Oduyoye критиковала одержимость западных феминисток проблемой женского обрезания, имеющего место во многих странах Африки, без должного уделения внимания проблеме экономической эксплуатации африканских женщин. Можно сколь угодно много кричать об экономической власти мужчин над женщинами, о той степени насилия над женщинами, распространённого в нашей культуре, но при этом оставлять за скобками то, что в самих феминистских сообществах имеет место быть эксплуатация одних женщин другими. Несколько лет назад я создала свою первую небольшую феминистскую группу, которая должна была работать в публичном пространстве. Предполагалось, что раз это группа, то её участницы должны на равных брать на себя ответственность за выполнение той или иной задачи. Однако, по ходу деятельности выяснилось, что это сугубо мои представления, и в итоге вся организационная работа оказалась на моих плечах. В ответ на упрёки в неравной нагрузке вместо поддержки я получила обвинение в том, что слишком активна. Получилось, что я виновата в том, что заставляю других работать и выполнять определённую часть совместных действий. В конце концов, уже бывшие товарки задним числом стали меня обвинять в эйблизме, меня обвинили в расизме (потому что, будучи не чернокожей женщиной, я требовала не относиться ко мне как к негру) и других прегрешениях.

Первая публикация: http://radical-fem-msk.livejournal.com/14762.html

Проблема насилия, эксплуатации с высоты разного положения различных социальных групп выглядит по-разному. Если вы происходите из семьи дипломатов, профессоров, журналистов, режиссёров и других представителей Hi-класса, то для вас абсолютно естественно существование тех, кто вас будет обслуживать. Если вы живёте в центре города, работаете фрилансером, то вам и в голову не приходит, что вашей напарнице приходится выбрасывать из жизни по 3 часа в день на дорогу и что у неё есть чёткий график работы. Если у вас за спиной стоят какие-либо эксперты, то для вас оказывается естественно смотреть сверху вниз на тех, у кого за спиной нет никого, кроме самих себя. И можно до хрипоты доказывать, что никто не имеет никаких привилегий, или что ими не пользуются, но это будет не совсем правда. Ещё в советское время около Новосибирска был построен Академгородок. Тогда официально были все равны, но только та часть городка, где обитали-работали учёные, до сих пор летом утопает в зеле-

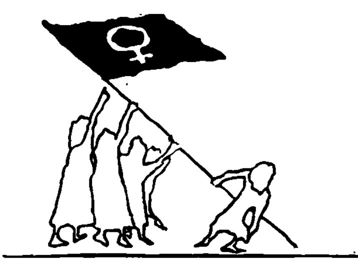
графика: StreetFem

ни, а та часть, где жила обслуга: уборщицы, дворники, повара, посудомойки, слесаря, водители, зубные техники, парикмахеры и т.д. представляет собой ряды домов-коробок. Я не принадлежу к привилегированному классу: мой отец всю жизнь работает прорабом, а мама не имеет высшего образования и за свою трудовую деятельность ей пришлось сменить несколько специальностей. Со школы я чувствовала свою классовую уязвимость, хотя и не могла тогда это чувство осознать и проговорить, но я понимала, что для того, чтобы получить своё место под солнцем, мне надо много работать, очень много работать, и работать не только в плане зарабатывания денег, а работать вообще, глобально.

Интересы феминисток, принадлежащих к более привилегированному классу, связаны с сохранением своего душевного спокойствия, с созданием психологического и физического комфорта, которые, в общем-то, обеспечиваются существованием женщин низких классов. В то же время интересы феминисток из низких классов скорее сводятся к тому, как выжить в мире, где всё время твой труд кем-то присваивается, где тебя используют, наживают на твоей деятельности реальный или символический капитал*. Те, кто обвиняли меня в эйблизме, кто упрекали меня в том, что я требую ответственной деятельности от других, тем «белым» феминисткам на самом деле нужен был «комфортный» активизм, такой активизм, где всё делалось бы кем-то (мной), а им бы оставалось только покрасоваться перед камерами. Меня обвиняли в разного рода прегрешениях, потому что я не обеспечивала комфортных условий, я отказывалась занимать положенное мне место обслуги, и более того, требовала, чтобы и «белые» феминистки честно выполняли свою часть работы. И на самом деле все эти обвинения – ничего больше как манипулятивный способ скрыть свои классовые привилегии.

Для феминисток третьей волны важной задачей является самоопределение женщин не западных культур, узнавание самих себя, своей идентичности вне рамок западного эталона, выработка своих подходов вместо копирования западных. Мой субкультурный опыт помог мне осознать взгляд сверху вниз, бросаемый белым человеком на остальных. Именно классовая уязвимость в своё время привела меня в панк-культуру. Я не просто стала «тусить» со «странными» людьми, но целиком разделила философию панка. Казалось бы, и что здесь такого? – но в реальности принадлежность к субкультуре вне этой субкультуры становится твоей стигмой. Это отражается даже в сообществе радикальных феминисток, которые смотрят на тебя точно так же, как они смотрят на женщин-мусульманок, носящих платок. Людям свойственно присваивать себе определённый телесный код, исходя из своей идентичности, и этот телесный код становится важной составляющей своего «Я». Однако часто радикальные феминистки с высоты европейского колониального видения рассматривают мусульманский платок как символ женского порабощения мужчинами, не считаясь с чувствами самой женщины-мусульманки, для которой важна принадлежность к исламской умме, а, следовательно, важен и определённый телесный код. Точно так же обстоит дело и с субкультурами: радикальные феминистки среднего класса любую субкультуру рассматривают как лузерство, опять-таки не считаясь с тем, что для кого-то субкультура – это неотъемлемая часть своего «Я». Таким образом, ты опять оказываешься маргинальной в среде женщин, к тому же феминисток, твоих, как они говорят, «сестёр». Если вас не останавливали полицейские только потому, что вы – другая, не вписываетесь в понятие «норма», то вы вряд ли поймёте до конца не только опыт мигрантов, которых тоже останавливают только за что, что они другие, но и то ощущение, которое вызывает сам вид человека в форме, того, в чьих руках власть, того, кто может вас унизить (не говоря уже о большем), только потому что «других» унижать дозволено.

Когда-то свою активистскую деятельность я начинала в небольшой политической организации, которую мне пришлось покинуть из-за бесконечного сексизма со стороны мужчин из этой организации. Сейчас я осознаю давление и со стороны женщин, находящихся в более благоприятных условиях. Я осознаю также, что и сама могу выступать эдаким властным механизмом по отношению к той, кто находится в ещё более худшем положении. С одной стороны это беспокоит, с другой побуждает к рефлексии и деятельности.

Свою деятельность я рассматриваю как своего рода противодействие не только мужскому доминированию, но также гегемонии среднего класса, доминированию определённых культурных моделей, понятию норма (особенно, если оно связано с европоцентризмом), культуре потребления, капитализму, в конце концов. Моя идентичность не только женская, она имеет особенности классовые, субкультурные, в какой-то мере религиозные и т.д. И эта множественная идентичность неотделима от меня самой. Но из-за этой множественности постоянно приходится сопротивляться культурной маргинализации, и, наоборот, становиться культурно-маргинализированной, чтобы оставаться целостной личностью, и чтобы таким образом бороться за возможность жить полноценной жизнью.

Мы живём во времена глобализма, когда мировой рынок перестраивает культурные формации таким образом, что они усиливают интересы капиталистической экономики. Влияние глобализма чувствуется во многих сферах наших жизней, и потому всё труднее бороться против больших корпораций с их гибкой системой подстройки под требования потребите-

лей и в то же время с их мощной формой создания новых форм потребления и потребителей. В результате всё сложнее и сложнее людям учиться самоорганизации и самоуправлению. Глобализм воздействует на жизнь женщин новыми способами контроля и подавления, и вместо того, чтобы искать новые пути сопротивления, феминистки, имеющие более привилегированное социальное положение, выталкивают из своих рядов тех, кто не вписывается в рамки привычного образа белой женщины среднего класса.

Кризис идеологии, возникший после отказа от «социалистического пути», развязал руки религиозным фундаменталистам разного толка, которые стали навязывать обществу своё видение «нравственности». Мировой экономический кризис способствует возрастанию анти-мигрантских, нацистских, фашистских настроений. Политика верхушки содействует всё большему и большему социальному расслоению общества. Капитализм взращивает в людях желание потреблять и потреблять без оглядки на то, как это потребление отражается на нашей планете и к чему это приведёт в ближайшем будущем.

На себе, на своём собственном теле я ощущаю пересечение нео-фашизма, гендерного подавления, капитализма. И в этих условиях я не могу оставаться замкнутой сугубо на дихотомии мужчина – женщина, я не могу согласиться, что женский опыт одинаков, общ для всех женщин. Я становлюсь на позиции постколониального феминизма. Я хочу сказать, что современный российский феминизм должен избавиться от классовой надменности. Потому что феминизм без классового вопроса – это не феминизм. Феминизм без национального, религиозного вопроса – это не феминизм. Феминизм без экологического вопроса – это не феминизм.

ФЕМИНИЗМ ОСВОБОЖДАЕТ.
ПРИСОЕДИНЯЙСЯ!

P.S.: **Предвижу, как многие «всезнающие» мужчины из левой среды по прочтении статьи будут ставить мне оценку «одобрям-с» за употребление «классовой терминологии» или советовать что-то типа: «поставь себе целью строительство бесклассового общества и всё будет в порядке» (т.е. забудь про свой поганый феминизм, детка, за умную сойдёшь). Так вот, хочу заявить: я – феминистка, стоящая на позиции сепаратизма, и от этой позиции отказываться не собираюсь. А тем «умным» мужчинам советую: при постановке перед самими собой задач строительства бесклассового и безвластного общества уберите прежде всего своё властное сексистское отношение к женщинам. Те же ваши советы и одобрямсы – это как раз варианты того самого властного отношения к женщинам, когда вы ставите женщин в положение глупых и не самостоятельных, не знающих, чего они сами хотят, не способных на самостоятельные решения и шаги, а потому вы имеете право их учить, ну а если они «учиться» не захотят, то вы тогда имеете право их покарать за непослушание. Вот это типичный пример властных насильственных отношений к женщинам. И чтобы не впадать опять в глупую полемику на тему, что же появилось раньше: курица или яйцо (патриархат или классовое угнетение)? – сразу расставлю все точки над Ё: пока вы не уберёте патриархат из своего сознания, никакое строительство безвластного общества невозможно!**

*** символический капитал – капитал, который не измеряется в деньгах. Он измеряется в той степени доверия, признания обществом значимости определённого человека и его права занимать определённое место в общественной иерархии, выступать в качестве эксперта и т.д. В конце концов, символический капитал перерастает и в денежный. Опосредованно – например, через приглашение на конференции, на какие-то выступления и т.д. с условием полной оплаты дороги и проживания. Напрямую – через приглашение экспертно высказаться по какой-то теме (устно или письменно), через приглашение выступить в качестве гостя (например, на открытии какого-нибудь супермаркета «звезда» украшает своим присутствием это действо) и пр. – в любом случае это всё оплачивается. Символический капитал может зарабатываться и на других людях, когда значимый человек всего лишь рассказывает о важной работе незначимых людей, при этом эти люди за свою деятельность ничего не получают, а значимый человек получает ещё большую степень доверия. А чем больше эта степень доверия, тем больше символический капитал и его дивиденды.**

Кикимора о себе, о польском феминизме и анархизме

текст: Оля Ланя, Дорота Кулька, Каролина, Мартына; графика: Кикимора

В РАЗНЫХ СТРАНАХ ФЕМИНИЗМ находится на разных стадиях развития. Мы считаем, что для мирового феминизма важно обращать внимание на разносторонность проблем женщин во всём мире — в зависимости от их местонахождения, социального статуса или финансового положения. При этом солидарность является главным связывающим элементом всех женщин в мире.

В КАЖДОЙ ОТДЕЛЬНОЙ СТРАНЕ появляются свои проблемы, они связаны с политикой государства, местом, которое государство занимает в мировом рейтинге, а также с религией, культурой и традицией данного народа. Для Польши, как страны полностью контролируемой католической церковью, важно не потерять те права и свободы, которые уже есть, но которые церковь при помощи государства постоянно пытается урезать. Важна проблема абортов и контрацептивов. Врачи-гинекологи отказываются выписывать рецепты на контрацептивы, ссылаясь на то, что это противоречит их вероисповеданию. Государственная дума из-за влияния католической церкви пытается запретить аборты при изнасиловании, при больном плоде и даже при угрозе жизни матери. В 2008 году было сделано всего 499 легальных абортов, в 2009 — 538, в 2010 — 638, в 2011 — 614, — и это в стране, где проживает почти сорок миллионов человек. К сожалению, часто само слово «феминизм» в Польше ассоциируется с негативом и отвращением, поэтому следует пытаться изменять мышление людей на тему феминизма. Все стереотипы, которые существуют вокруг понятия феминизма, феминисток и феминистов, глубоко сидят в сознании людей, поэтому стоит пытаться это менять, например, организовывая открытые дискуссионные встречи или уличные акции. Поляки ничем не отличаются от других национальностей, они также проявляют всякого рода неравенства, например социальное или экономическое. Мы считаем, что это вытекает из того, что человек уже с самого рождения думает, что он вправе управлять другими людьми или видами (животными, птицами и т.п.). Мы, как анархо-феминистки, боремся с тем, чтобы феминизм не ассоциировался только с пропагандой либерализма, нас не интересуют паритеты и возможности, вытекающие из него. Каждая власть забирает нашу свободу, она вовлекает людей в иерархическую систему, не дает самоорганизовываться и не предоставляет полной свободы выбора. Мы являемся ответвлением феминизма, борющимся с неолиберализмом, но наше движение должно развиваться, чтобы мы самостоятельно могли решать как экономические, так и социальные проблемы женщин. Немаловажна и борьба с дискриминацией ЛГБТК. Польша — это консервативная страна, где права сексуальных меньшинств не берутся во внимание, а ультраправое движение растёт в силе. Такому явлению способствует католическая церковь и священники, которые настраивают прихожан негативно к представителям ЛГБТК и которые открыто приходят на демонстрации неонацистов.

КИКИМОРА — ЭТО МОЛОДОЙ КОЛЛЕКТИВ, нам скоро год. За этот год мы не сосредоточивали своё внимание на чём-нибудь одном, а старались заниматься тем, что интересно в данный момент участницам группы. Наша первая акция была посвящена солидарности с Pussy Riot (акции солидарности проходили также в течение всего года) и соорганизации краковской «Манифы» — феминистической демонстрации в честь 8 марта. Почти каждый месяц мы проводим кинопоказы и дискуссионные встречи, крутим фильмы, связанные с тематикой квир и феминизма. В мае 2012-го, во время дней ЛГБТ, мы провели встречу на тему полиамории и организовали вечеринку на старом форте в стиле gender-bending, а последняя наша встреча в январе 2013-го была посвящена политическим заключенным в России, Ираке и США. Нам удалось организовать трёхдневный анархо-феминистический фестиваль «Та.Ту.Феста» с ворк-шопами, открытыми встречами, концертами. В марте мы опять организуем «Манифу», Краков это один из немногих городов Польши, где в «Манифе» не принимают участия политические партии. В апреле 2013 года Кикимора соорганизует анархо-феминистический общепольский съезд. Время от времени мы встречаемся всем коллективом, чтобы поделиться и поговорить на тему прочитанных нами книг, так как для нас важно самообразование и постоянная работа над собой.

ПОЛЬША, КРАКОВ. КИКИМОРА - это анархо-феминистическо-квировый коллектив. Все решения в группе мы принимаем консенсуально или пытаемся, чтобы так получилось. Мы очень разные, но нас объединяет желание действовать снизу, мы за горизонтальное распределение заданий. Мы не поддерживаем политические партии и на данный момент самофинансируемся.

Квир спасёт мир

РАЗГОВОР МЕЖДУ ЧЕТЫРЬМЯ БАВАРСКИМИ КВИР-ФЕМИНИСТКАМИ, СИМОЙ, МИРОЙ, МАЕЙ И АНЕЙ , СОСТОЯЛСЯ В МЮНХЕНЕ 17 ФЕВРАЛЯ 2013 ГОДА И БЫЛ ПОСВЯЩЁН АКТУАЛЬНЫМ ВОПРОСАМ ЖЕНСКОЙ БОРЬБЫ. «ВОЛЯ» ПУБЛИКУЕТ БЕСЕДУ В СОКРАЩЕНИИ.

АНЯ: Мы называем себя квир-феминистками. Давайте скажем, что мы под этим понимаем.

СИМА: Для меня важно, что квир-феминизм сосредотачивается не на одной лишь критике патриархата. Он ставит под сомнение бинарный подход к определению гендерных ролей и сексуальности. Мы боремся не только с проявлением мужского доминирования, но и с самой идеей деления на мужчин и женщин в обществе. Квир-феминизм призывает понимать сексуальность и гендер шире; допускается любой вид гендерной и сексуальной идентичности (квир-идентичности).

МИРА: Не просто призывает, а требует даже! :)
Аня: Какие темы сегодня наиболее актуальны?

СИМА: Проблема сексуального насилия и борьба против криминализации абортов.
С 2008 года asab_m организует демонстрации против ежегодных «Маршей тысячи крестов» (Marsch der Tausend Kreuzen). Этот марш проводят во многих европейских городах реакционные христианские фундаменталисты, которые выступают против однополых браков, против абортов и частично против контрацептивов. В Германии у них довольно твёрдые позиции, они организуют группы при правящих партиях; здесь есть даже несколько ассоциаций «врачей против абортов». Эта тема долгое время вообще никого не волновала, даже левых активис_ток , пока в 2008 году мюнхенские неонацисты не призвали своих сторонников участвовать в этом марше. И они прошлись по улицам, даже не скрывая нацистскую символику. С тех пор мы устраиваем регулярные контрмарши, пытаемся препятствовать проведению этих ежегодных демонстраций.

АНЯ: А насчет контрдемонстраций: в Германии это важная форма всего левого протеста. В чём их цель?

СИМА: Необходимо вскрывать женоненавистническую и гомофобную идеологию таких маршей. Общество должно осознавать мотивы их участников. Ведь на такие акции ходят не только оголтелые фундаменталисты, большая часть — это люди из среднего класса: обычные католики, протестанты. Часто только в процессе конфронтации с нами многим из них становится понятно, что это за идеология, под знамёнами которой они встали и с лозунгами которой они идут по улице. В следующий раз, возможно, они избегут участия в подобной манифестации.

МИРА: Я не хочу брать на себя роль эмансипированного/-ой, критически думающего/-ей человека, который бы с высоты своего развития указывал, кому и что думать. Но мне бы хотелось, чтобы люди сами критически относились к тем своим представлениям о роли женщины , о гомофобии, которые сформировались без активного сознательного действия человека. Хотелось бы, чтобы возникала мысль: «Подожди-ка, возможно, действительно, всё не так просто и хорошо, как кажется».

СИМА: Мы обращаем внимание на то, что недопустимо навязывать женщинам любые нормы сексуального поведения и общественно осуждать любые его проявления, боремся с гомофобией. Основное — это абсолютное право на своё тело. Также мы указываем на чрезвычайную опасность использования таких реакционных понятий как, например, бэбикост (babycaust, по аналогии с холокост), которыми они пользуются. Использование понятия babycaust не только криминализирует аборты, но и открыто проводит параллели между холокостом и абортом. В 2010 году наша контрдемонстрация была жёстко разогнана полицией, из ста активисток были арестованы 38 человек, и вплоть до декабря прошлого года шли судебные процессы. Вся эта история тяжело переносилось в мюнхенском леворадикальном движении.

АНЯ: С этим связан поиск других форм протеста.

МАЯ: С этим, но не только. Они проводят не только ежегодные большие марши, но и каждый месяц у них происходит небольшая pro-life акция, кроме того у них есть в Мюнхене своё бюро, и они периодически проводят акции у одной из гинекологических клиник, которая известна тем, что делает аборты. Они атакуют пациенток, раздают им флаеры, муляжи эмбрионов и ползунки.
Надо пробовать новые формы акций, чтобы противостоять вот такой повседневности.

АНЯ: Какие ещё темы в поле зрения сегодняшнего феминизма?

СИМА: Ещё репродуктивный труд , как называют домашнюю работу. В сегодняшнем немецком обществе домашняя работа всё ещё вытеснена в так называемую частную сферу, в семью, при этом женщины де факто остаются ответственными за неё и её организацию. Для меня лично важно, чтобы дискурс о женщине, её роли и формах её угнетения не был ограничен ситуацией белой немецкой женщины, что мы как раз и наблюдаем в либеральной прессе. Белая немецкая женщина часто имеет множество возможностей компенсировать угнетение и неравенство, особенно, если она относится к среднему или буржуазному классу. Она может получить профессию или уменьшить свою

зависимость от домашней работы, используя другие свои привилегии. Но мигранткам всё это сделать намного сложнее: часто они выполняют «домашнюю работу» и в семье, и в сфере наёмного труда, когда выполняют роль уборщиц или бэби-ситтеров, при этом не имея зачастую никаких необходимых социальных гарантий. В общественном дискурсе обычно во главу угла ставится борьба женщин за привилегии в сфере квалифицированного или высококвалифицированного наёмного труда, речь идёт о рабочих местах для женщин в университетах, в больших компаниях, в политике и т.д. Мне кажется важным, чтобы аспект угнетения рассматривался в трёх основных категориях его проявлений: раса, гендер и класс.

МАЯ: Кроме всего прочего, особенно это касается Баварии, важно противостоять ещё и религиозной идеологии, сексизму, однако, больше всего меня раздражает гомофобия.

СИМА: В Германии, как, например, и в России, ЛГБТ-движение тоже зачастую считают буржуазным. Например, борьба лесбиянок, геев и трансгендеров за право заключать брак рассматривается левыми часто свысока. Вообще это довольно распространённая ситуация, когда фронты борьбы, расположенные за границами левой субкультуры, получают штамп «буржуазных» или «не политических», возможно это одна из форм «левого высокомерия», я рассматриваю эту ситуацию как трудноразрешимую. Моя политическая позиция, например, не «за легализацию брака лесбиянок», а «против института брака» как такового, но мне кажется, если кто-то хочет разделить привилегию на право заключать браки, ту привилегию, которой гетеросексуалы пользуются априори, это важно и это надо поддерживать. Часто радикальные левые в Германии теряют связь с реальностью, связь с жизненной ситуацией конкретных групп, особенно маргинализированных. Для двух лесбиянок часто важно иметь возможность на регистрацию брака, чтобы иметь право воспитывать ребенка. Мы же должны признать, что наша цель — отмена института брака вообще — сегодня далека от достижения.

АНЯ: Какая ваша любимая акция?

МАЯ: Мне очень нравятся наши воркшопы про «власть дефиниций» (Definitionsmacht). Мне эта тема кажется особенно важной, и программа вечера обычно хорошо работает, получаются хорошие дискуссии и рабочие группы.

СИМА: Наверное, можно объяснить. «Власть дефиниций» — это такая теоретическая концепция из сферы квир-феминизма: мы читаем тексты, а потом в небольших группах или в общей дискуссии пытаемся анализировать общество и структуры власти. Речь идёт о структурах, пытающихся сделать женщину доступным объектом, мы говорим о мифах изнасилования, когда женщин делают виновными в насилии над ними. Мы говорим о «концепции согласия», что согласие это самый важный, и, по-моему мнению, единственный критерий сексуальных отношений. То есть нет извращённой сексуальности, если сексуальные практики основаны на обоюдном согласии. Ну и потом, мы работаем над вопросами организации автономных пространств в этом контексте, обсуждаем структуры неформальной власти и формы латентного насилия или исключения в повседневной совместной жизни группы.

СИМА: По-моему, акция «Бавария, стань феминисткой» — это одна из самых ярких феминистических акций в Мюнхене за последнее время. Замечательный посыл и сила высказывания.

АНЯ: Может быть, под конец, о солидарности. Почему, например, тема Pussy Riot была настолько важной для вас? Для тебя, Сима?

СИМА: Мне нравится форма их протеста и содержание. Мне нравится чувство, что есть такие леворадикальные феминистические группы. Меня впечатляет смелость и сила конкретных женщин. Кроме того, я так прочитываю их акции, что они объединяют критику капитала с критикой репрессивного государства и сексизма. В акции «Бавария, стань феминисткой» мне понравилось то, что она проходила не просто как акция солидарности с политическими заключёнными (что, безусловно, тоже важно), но и как некоторое заявление о преемственности содержания и критики государства и сексизма как такового.

МИРА: Может быть это только фраза, но солидарность для меня — это «Нас хватают по одному, но вместе мы — все».

Виржини Депант

САЛЮТ, ДЕВЧОНКИ

Заключительная глава из книги «Кинг-Конг Теория»

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

Кинг-Конг — ах, как много знакомого и понятного в этой метафоре. Каждый из нас, даже если не читал, наверняка что-нибудь слышал о Руссо, об этом беспокойном женевском мыслителе. Западный человек, уходя всё дальше от природы, естественности бытия, организует свою жизнь за счёт всевозможных химических (таблетки, освежители воздуха, моющие средства) и технических (будильники, компьютеры, троллейбусы) приспособлений. И если идеи старины Жан-Жака казались вполне реализуемыми его современникам, отказываться приходилось от малого, то идеи Виржини о том, что квир-бытие Кинг-Конга переопределит наше сознание, наверняка даже ей самой не кажутся достижимыми. И всё же...

...разве может иметь значение, правдоподобны и реализуемы наши идеи или нет. Ну, для некоторых наверняка, но только не для Депант. Она прекрасно знает, что ни пророчество, ни безупречно простроенная логическая аргументация не остановят «наш паровоз», и она, что твой Джеймс Бонд, взбирается на крышу и радостно скачет по вагонам и поёт революционные французские песни. Другой свободы ей не надо. Другой свободы она себе даже не может представить. Если мы вынуждены мчаться прямиком к пропасти в этом поезде, то не надо сидеть и равнодушно, с отупевшим от скуки рылом пялиться в засранное мухами окно, не надо играть в засаленные атласные карты, не надо, ребята, вы же все скоро сдохнете, давайте поднимемся на крышу и запоём, не попадая в ноты, и заорём, срывая голоса, алёрз анфан дё ля патрие, ле жур дё гльуар эт аривэ...

...ну или что-нибудь менее официозное, но не менее весёлое. Вот это и есть феминизм по Виржини Депант. А не то, что считают «высокоинтеллектуальные» московские инфанты, берущие на себя смелость стигматизировать всех, кто посмеет приблизиться к их заветной кормушке под названием «феминизм». Феминизм — это, взявшись за руки, стоять на крыше несущегося в пропасть модернизированного высокоскоростного поезда.

Весной книга «Кинг-Конг Теория» должна выйти приложением к журналу «Остров». Вот несколько слов об авторе этой вдохновляющей книги:

Виржини Депант родилась в 1969 году в Нанси. В 1993 году она опубликовала свою культовую книгу «Трахни меня» (Baise-Moi). В 1997 году стала лауреатом премии «Флор» за книгу «Миленькие штучки» (Les Jolie Choses); в 2001 году этот роман был экранизирован Жилем Паке-Бреннером, в главных ролях снялись Марион Котийяр, Стоми Багси и Патрик Брюэль. В 2000 году Виржини Депант вместе с Корали Трин Ти снимает фильм по мотивам книги «Трахни меня». Фильм во Франции запрещают, и благодаря этому он получает мировую известность.

«Кинг-Конг Теория» (King Kong Théorie) — первая научно-популярная книга Виржини Депант.

Евгений Шторн

САЛЮТ, ДЕВЧОНКИ

«Первой обязанностью пишущей женщины является убийство ангела домашнего очага». Вирджиния Вулф

графика: mikaela

Я как-то случайно наткнулась в интернете на письмо Антонена Арто. В нём он расстаётся с женщиной, которую больше не может любить. Понятно, что если вдаваться в детали, всё окажется не так просто. Но суть письма такова: «Мне нужна женщина, которая бы принадлежала мне и только мне, которая ждала бы меня дома в любое время. Моё одиночество приводит меня в отчаяние. Я не могу больше возвращаться вечерами в мою одинокую комнату, где нет никого, кто помог бы мне справляться с жизнью. Мне необходим дом, чем скорее, тем лучше, и женщина, которая заботилась бы обо мне постоянно, вплоть до самых незначительных мелочей. У творческих женщин вроде тебя есть своя жизнь, и они не способны дать мне этого. В моих словах много жестокого эгоизма, но они правдивы. Эта женщина необязательно должна быть красива, умна или рассудительна. Довольно и её абсолютной привязанности ко мне».

С самого детства у меня есть три страсти: Грендайзер, Кэнди-Кэнди (помню, как я мчалась домой после школы, чтобы не пропустить их), и ещё одна — переворачивать всё с ног на голову из чистого любопытства.

«Мне нужен мужчина, который бы принадлежал мне и только мне, который ждал бы меня дома в любое время». Это звучит совершенно иначе. Мужчина не может сидеть дома и быть чьей-то собственностью. Даже если бы я нуждалась в мужчине, который принадлежал бы мне и только мне, я бы обязательно услышала, что мне следует поумерить пыл. В обратной ситуации мне бы, конечно, посоветовали подчиниться ему целиком и полностью. Это не одно и то же. Политическая ситуация такова, что никого нельзя заставить пожертвовать собой ради моего благополучия. Никакой взаимовыгодной пользы. Какой бы эгоистичной я ни была, я никогда не написала бы: «Мне необходим дом, чем скорее, тем лучше, и мужчина, который заботился бы обо мне постоянно, вплоть до самых незначительных мелочей». Если бы я встретила такого мужчину, значит я была бы в состоянии платить ему зарплату. «Этот мужчина необязательно должен быть красив, умён или рассудителен. Довольно и его абсолютной привязанности ко мне».

Моя власть не будет опираться на покорность другой половины человечества. Каждый второй, явившийся на этот свет, не должен повиноваться мне, заботиться о моём доме, растить моих детей, нравиться мне, развлекать меня, уверять меня в силе моих умственных способностей, тревожиться о моём отдохновении после тяжёлой битвы, беспокоиться о том, чтобы я хорошо питалась... и это хорошо.

В женской литературе трудно найти примеры злоупотребления или враждебности по отношению к мужчинам. Они цензурированы. Мой пол даже не даёт мне права относиться к этому плохо. Колетт, Дюрас, Бовуар, Юрсенар, Саган — целая плеяда писательниц, избегающих брать на себя смелость демонстрировать свои полномочия, они соглашаются с мужчинами, просят прощения за то, что осмелились писать, признаются им в бесконечной любви, уважении и верности и боятся — вопреки тому, что пишут — сильно раскачивать лодку. Нам всем ясно как день, что в противном случае стадо непременно воздаст нам по заслугам.

В 1948 году Антонен Арто умирает. Жене, Батай, Бретон выводят слово на новую орбиту. Виолетт Ледюк пишет свой фундаментальный текст «Тереза и Изабель». Бовуар, прочтя эту книгу, незамедлительно ответила: «Её невозможно опубликовать. Это история лесбийской сексуальности, не уступающая в натуралистичности книгам Жене».

Виолетт Ледук перерабатывает текст, всё же Кено отказывается от него: «Это невозможно пустить в печать». «Галлимар» издаст её только в 1966 году.

Моему полу велено молчать, держать пасть на замке. Не высказывать претензий и соблюдать приличия. Иначе тебя сотрут в порошок. Мужчины лучше знают, что именно мы должны говорить о себе. Женщины, если они хотят выжить, должны научиться понимать команды. Не надо говорить, что всё уже давно изменилось. Только не мне. Как пишущая женщина, я выдержала вдвое больше, чем любой мужчина, занимающийся литературой.

В «Письмах Кастору» Симона де Бовуар первым размещает это письмо Сартра, адресованное ей: «Не будете ли Вы так любезны снести нынче утром моё грязное бельё (нижний ящик шкафа) в прачечную? Я оставляю ключ в двери. Моя любовь, Вы бесконечно мне дороги. Какое миленькое личико было у Вас давеча, когда Вы сказали: «Вы за мной наблюдали, Вы за мной наблюдали», — и теперь, вспоминая это, моё сердце заходится от нежности. Прощайте, моя Радость». Перевернём все с ног на голову: и грязное бельё, и миленькое личико. Перевернём, чтобы понять, что от нашего пола требуется только заниматься чужим грязным бельём и иметь миленькое личико.

Политическая ситуация такова, что мне как писательнице постоянно ставят подножки и дисквалифицируют, не столько как индивида, сколько как женщину. Я не могу относиться к этому благосклонно, философски или прагматически. Хватит и того, что я вынуждена с этим жить. Меня это бесит. Ничего смешного. Я опускаю голову и слышу всё, что не хочу слышать, и молчу в ответ, просто потому,

что у меня нет другой альтернативы. Я не собираюсь просить прощения за то, что мне навязывают, или делать вид, что мне это по душе.
Анджела Дэвис говорит о чернокожей американской рабыне: «Своим тяжёлым трудом она постигла, что её потенциал равен мужскому».
Слабый пол — это просто смешно. Презирайте, сколько влезет, чернокожих женщин, охренительно дрыгающих жопами в клипах «Фифти Сент», сочувствуйте им, считая, что они несчастные жертвы: это дочери тех рабынь, что вкалывали, как мужики, и которых пороли, как мужиков. Анджела Дэвис: «Женщин не только пороли до увечий, их ещё и насиловали». Их насильно брюхатили и оставляли воспитывать детей. Но они выжили. На долю женщин не только выпали общие людские мытарства, но и особые, специфические типы угнетений. Это история беспрецедентного насилия. Я ограничусь только тем, что скажу: идите вы все на хуй с вашим высокомерием и мнимой силой, поддерживаемой обществом, с вашим ранним вмешательством и манипулированием жертвенностью, намекающими на невыносимость быть эмансипированной женщиной. Куда невыносимее быть женщиной и терпеть всю эту херню. Выгоды, извлекаемые мужчинами из угнетённого положения женщин, — это ловушка. Защищая ваши мужские прерогативы, вы уподобляетесь лакеям в шикарном отеле, считающим себя хозяевами всей этой роскоши... высокомерные рабы — вот кто вы.

Капиталистическому миру приходит капец, он уже не может удовлетворить потребности мужчин, нет ни работы, ни достойных условий труда, а способами решения проблем становятся абсурдные и жестокие экономические меры, административный беспредел и унизи-

тельная бюрократия, всякий раз, покупая что-нибудь, мы чувствуем, что нас обводят вокруг пальца, и крайними опять делают женщин. Наша свобода печалит мужчин. Не политическая система виновата, а женская эмансипация.
Я не хочу быть мужчиной. Я выше этого. Мне плевать, что у меня нет пениса. Мне плевать, что у меня нет бороды и тестостерона, мне хватает храбрости и агрессивности. Просто я тоже хочу нарушать законы, как мужчины в мире мужчин. Нагло. Без уловок и извинений. Я хочу брать больше, чем договаривались. И чтобы мне не затыкали рот. И не говорили, что я должна делать. И я не хочу, чтобы мне вспарывали кожу и надували грудь. Зачем мне стройное тело в сорок лет? Я не боюсь конфликтов, я не скрываю своей силы, я могу не быть женственной.
На радио одна освобождённая заложница заявила: «Я наконец-то сделала себе депиляцию, сходила в парфюмерию, вернула себе свою женственность». По крайней мере, это всё, что нам позволили услышать. Она мечтает о депиляции, не о прогулках по бульварам, встречах с друзьями или утренних газетах. И это её неотъемлемое право. Но пусть меня не просят относиться к этому нормально.
Моник Виттиг: «Мы опять попали в ловушку, в старый добрый тупик — как-замечательно-быть-женщиной».
Любимая присказка мужчин. Её часто цитируют их подельницы, всегда готовые защищать интересы хозяина. Её особенно любят мужчины с опытом. Они обычно не договаривают логического окончания этого «как-замечательно-быть-женщиной»: молодой, стройной, способной радовать мужчин. Иначе в этом нет ничего замечательного. Лишь вдвое меньше возможностей распоряжаться собой.

Мужчинам нравится обсуждать женщин. Это позволяет им не обсуждать друг друга. Как объяснить, что за тридцать лет ни один мужчина не написал ни одного новаторского текста о мужественности? Они красноречивы и компетентны, анализируя женщин, что же мешает им поговорить о себе? Чем больше они разглагольствуют, тем меньше говорят. О самом важном, о том, что у них на уме. Может, они ждут, что мы начнём говорить о них? Интересно, станут ли они слушать, например, как выглядит со стороны групповое изнасилование? Мы скажем, что им нравится смотреть друг на друга во время секса, рассматривать хуи друг друга, возбуждаться друг от друга, они мечтают отыметь друг друга в жопу. Мы скажем, что ебать друг друга — это их самое главное желание. Мужчинам нравятся мужчины. Они не устают повторять нам, как им нравятся женщины, но мы-то знаем, что это только слова. Мужчины нравятся друг другу. Они ебут друг друга через женщин, многие из них думают о своём лучшем друге, вводя свой пенис во влагалище. Они любуются друг другом в кино, дают друг другу лучшие роли, ощущают мощь друг друга, выёбываются,

охуевают от своей собственной силы, красоты и смелости. Они пишут друг для друга, поздравляют и поддерживают друг друга. И они правы. Но их бесконечные жалобы, что женщины дают недостаточно часто, неохотно, некреативно, наводят на вопрос: почему же они не решаются трахаться друг с другом? Ну же! Если это сделает вас веселее, значит это прекрасно. Поздно, им уже вбили в голову, что быть педиком — это ужасно и что они должны любить женщин. И они смирились. Фыркают, но подчиняются. И в ярости от того, что им пришлось подчиниться, пиздят периодически какую-нибудь девчонку.

Феминистская революция имела место быть. Дискурс был артикулирован, вопреки благопристойности и несмотря на враждебность. И она продолжается. Но она до сих пор не затронула вопросов мужественности. Хрупкие мальчишки молчат в страхе. Хватит. Так называемый сильный пол больше всех нуждается в постоянной защите, успокоении, лечении и заботе. Его нужно оберегать от правды. Женщины — такие же твари, как мужчины, а мужчины — такие же шлюхи и такие же матери, как женщины, мы все одинаково запутались. Некоторые мужчины созданы возиться на грядках, заниматься домом и гулять с детишками в парке; а некоторые женщины способны проломить голову мамонту, шуметь и строить засады. Каждому своё. Вечная женственность — это жуткая шутка. Жизнь мужчин зависит от того, сколько ещё будет продолжаться эта ложь... роковая женщина, bunny girl, медсестра, лолита, шлюха, добрая матушка или кастраторша. Всё это только в фильмах. Сценическое воплощение, примерка костюма. Как это может успокоить? Мы не знаем наверняка, что произойдёт, если эти сконструированные архетипы будут

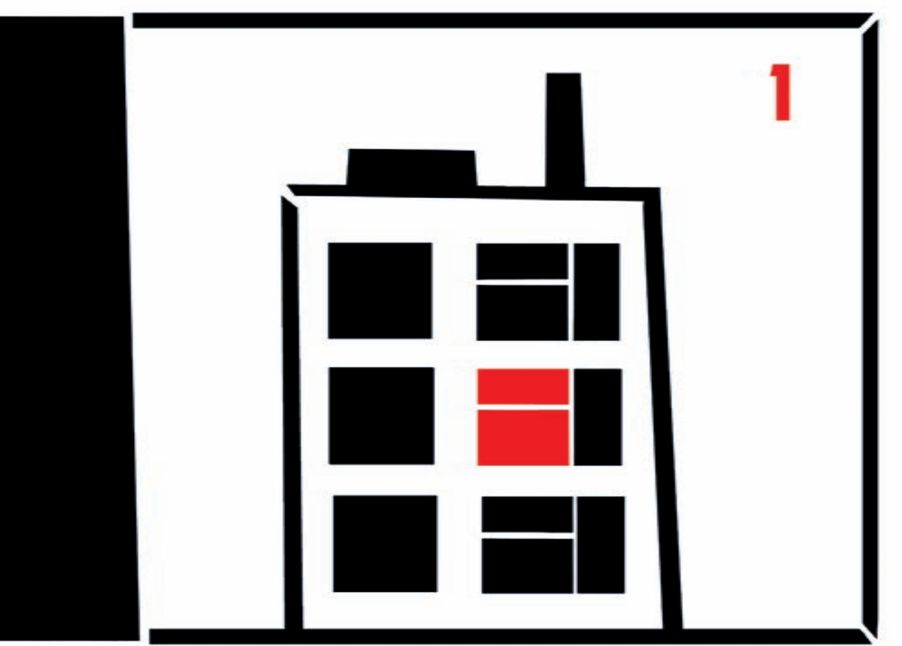

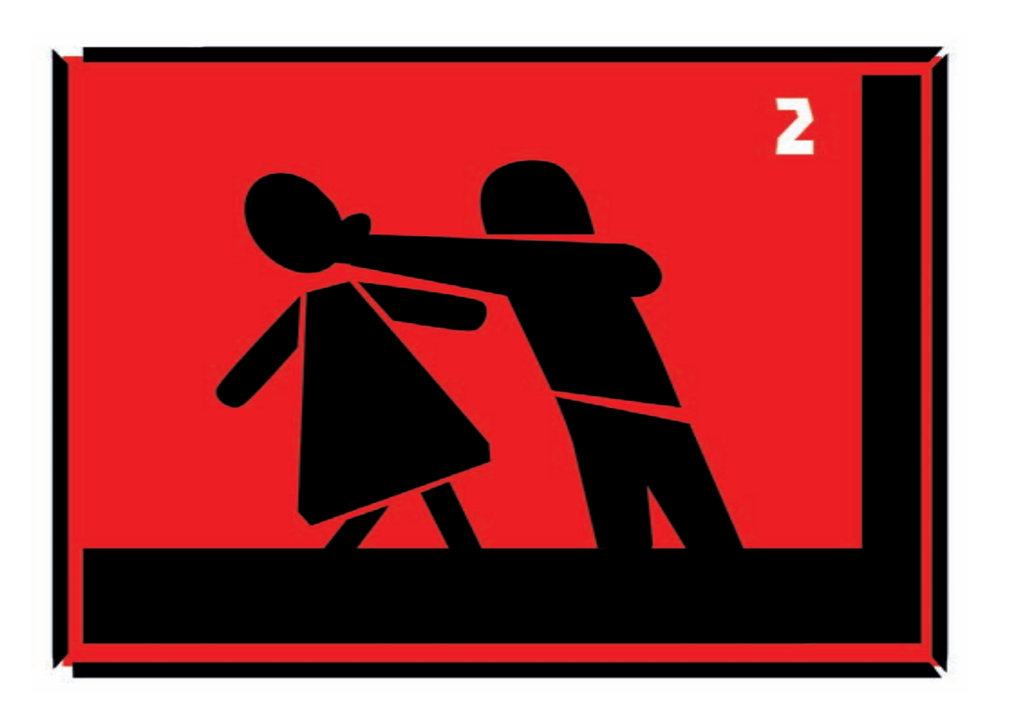
уничтожены: шлюхи — такие же люди, матери по своей сути не являются ни хорошими, ни смелыми, ни любящими, как и отцы, всё зависит от конкретного случая, от ситуации, от момента.
Избавьтесь от мужского шовинизма, это ловушка, средство успокоения для кретинов. Признайте, что наделять тот или иной пол определёнными качествами — полное дерьмо. Как и весь этот маскарад. Почему автономность приводит мужчин в такой ужас, что заставляет их молчать, не предлагая ничего нового, творческого, не критикуя и не стремясь ничего изменить в своём нынешнем положении?
Когда же быть мужской эмансипации?
Пришёл их час, ваш час эмансипироваться. «Да, но когда мы сюсюкаем, женщины отдают предпочтение брутальным», — любят жаловаться мужчины, привыкшие к привилегиям. Ложь. Некоторые женщины предпочитают мощь, они не боятся её в других. Но мощь — это никакая не брутальность. Между ними нет ничего общего.
ЛЕММИ КАНТОНА БРЕЙЯ ПЭМ ГРИЕР ХЕНК БУКОВСКИ КАМИЛЛА ПАЛЬИА ДЕ НИРО ТОНИ МОНТАНА ДЖОЙ СТАРР АНДЖЕЛА ДЭВИС ЭТА ДЖЕЙМС ТИНА ТЁРНЕР МОХАМЕД АЛИ КРИСТИАН РОШФОР ХЕНРИ РОЛЛИНЗ АМЕЛИ МОРЕСМО МАДОННА КОРТНИ ЛАВ ЛИДИЯ ЛИНЧ ЛУИЗ МИШЕЛЬ МАРГЕРИТ ДЮРАС КЛИНТ ЖАН ЖЕНЕ... Всё дело в отношении, в кураже, в неповиновении. Есть такая власть, которая не принадлежит ни мужчинам, ни женщинам, она поражает, сводит с ума, даёт защиту. Способность говорить нет, отстаивать свою точку зрения не таясь. И мне плевать, носит ли мой герой мини-юбку и у него большие сиськи или у него хуй до колена и гаванская сигара во рту.
Конечно, трудно быть женщиной. Страх, покорность, вынужденное молчание, призывы к опостылевшему порядку, ярмарка дебильных, бесплодных ограничений. Вечные гастарбайтеры, обречённые на самую грязную работу, обрабатывающие сырьё, смирившиеся со своим низким положением... Но по сравнению с тем, что значит быть мужчиной, всё это сущие пустяки... Женщины всё же не так напуганы, не так беспомощны, не так ограничены. Нашему полу досталась выносливость, смелость, сопротивление. Впрочем, нам не было предложено выбора.
Истинная отвага. Готовность к чему-то новому. Скорому. Лучшему. Потерять работу? Уйти из семьи? Отличные новости, автоматически поднимающие вопрос о мужественности. Что, в свою очередь, тоже отличная новость. Ну, и будет уже глупостей.
Феминизм — это революция, а не маркетинговая стратегия, не продвижение новых технологий орального секса или обмена партнёрами и даже не борьба за увеличение женских зарплат. Феминизм — это большое приключение для женщин, мужчин и для всех остальных. Революция уже началась. Новое мировоззрение, новый выбор. Не нужно сравнивать маленькие женские выгоды с маленькими правами мужчин, надо просто взорвать всё это к чёртовой матери.
Итак, салют, девочки, и счастливого пути...

ВОЛЯ
газета свободомыслящих людей
выходит с 1.08.1989

#2 (42) от 8 марта 2013

ЕСЛИ ТЕБЯ БЬЮТ В СЕМЬЕ

8(800) 7000-600

ТЕЛЕФОН ДОВЕРИЯ

4